

И. С. Дмитриев

Остров концентри- рованного счастья

Судьба Фрэнсиса Бэкона

Новое
Литературное
Обозрение

2022

УДК 1(092)Бэкон Фр.
ББК 87.3(4Вел)5-500
Д53

Редактор серии К. Иванов

Д53 **Дмитриев, И. С.**

Остров концентрированного счастья. Судьба Фрэнсиса Бэкона / Игорь Дмитриев. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 632 с.: ил. (Серия «История науки»)

ISBN 978-5-4448-1736-0

Несмотря на то, что философские идеи Фрэнсиса Бэкона хорошо изучены и описаны, его жизненному пути в литературе уделяется мало внимания. Монография И. С. Дмитриева, первая на русском языке биография Ф. Бэкона, написана на основе архивных материалов и широкого круга первоисточников. Жизнь героя книги представлена в контексте сложной, наполненной драматическими событиями эпохи в истории Англии второй половины XVI—начала XVII столетий. Один из самых одаренных людей своего времени, Фрэнсис Бэкон отдавал много сил и времени не только философии, но и активной политической деятельности. В книге он предстает в различных ипостасях—философа, юриста, политика, придворного. Автор детально касается малоисследованной, окруженной многочисленными мифами истории импичмента Ф. Бэкона, занимавшего на вершине своей политической карьеры пост лорда-канцлера Англии и обвиненного в 1621 году в коррупции. Игорь Сергеевич Дмитриев—историк науки, профессор Института философии человека Российского государственного педагогического института им. А. И. Герцена.

УДК 1(092)Бэкон Фр.
ББК 87.3(4Вел)5-500

В оформлении обложки использован фрагмент портрета Фрэнсиса Бэкона работы Якоба Хоубракена. 1736–1738. Рейксмузеум, Амстердам / Rijksmuseum Amsterdam.

© И. Дмитриев, 2022
© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2022
© ООО «Новое литературное обозрение», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	7
<i>Введение. Наука как venatio</i>	8
«Пока мы лиц не обрели»	13
Средний путь Николаса Бэкона	13
Образованная зануда	26
В кембриджской тиши	30
«Чужбина тем, быть может, хороша, что вчуже ты глядишь на мир растленный»	37
«Другие, хладные мечты, другие, строгие заботы»	52
«Труд, отягченный мелочным расчетом»	52
«Нас уменьшает высота, как ястреба, взлетевшего за тучи»	70
Борьба за патент	75
Эксперты — посредники	87
«Человек есть то, что он знает»	92
Злосчастный парламент	99
Карьерные поиски	122
Дело Лопеса	131
«В страду грешна пустая сил растрата»	139
«Со временем шалун стал грубоват»	151
«И жизнью рад пожертвовать, а дело не стоит выеденного яйца»	172
«Защитником я прихожу на суд, чтобы служить враждебной стороне»	180
«Свободен, вновь ищущ союз»	191
«Новой жизни радужный пузырь»	195
Сделка с Гименеем и первые карьерные радости	205
<i>Хромой, обгоняющий бегуна</i> <i>(Instauratio Magna Scientiarum как проект создания</i> <i>эффективной институтизированной науки)</i>	212
«Эффективная наука» in statu nascendi	213
«Князь обмана»	214
Идолы безумия	227
Расчистка мозгов как рекламная акция	235
Интеллектуальная акупунктура Фрэнсиса Бэкона	239
Заинтересовать царственный ум	243
Машина науки	253
<i>Крутой маршрут институтизации науки (первые шаги)</i>	261
Легитимация нового дискурса	261
Правильно организованное познание (рецепты лорда-канцлера)	265
«В глубь и в даль природы»	268

<i>Виноград в терновнике (процесс над Фрэнсисом Бэконом)</i>	286
Новая любовь короля	286
Дело Пичема	294
<i>Rege inconsulto</i>	304
«Благородный выбор». Король и его судьи	306
Погоня за невестой	317
Смерть поэта	325
«На отмели в безбрежном море лет»	349
Созыв парламента 1621 года	350
«Так погибают замыслы с размахом, в начале обещавшие успех»	355
Болты и гвозди королевской мудрости.	369
Страсти вокруг монополий	382
«Такие речи бьют наверняка»	396
«Дым, кажется, сильнее огня»	410
«Наплел, наплел и отпустил с отказом»	414
«Все дело — соус, как подать»	429
«Начала мира — мята и тмин»	452
«Причин довольно, чтоб им друг на друга поднять мечи»	456
«Мне не дано с легкостью преодолевать трудности»	460
«Потух огонь на алтаре!»	485
<i>«Compositio loci»: счастливый остров Бенсалеи</i>	493
Терзания стиля	493
«Грядущее на все изменит взгляд»	499
Имитация травелога	516
Остров концентрированного счастья	528
«Кто скрыт по милости творца»	542
Эффективная наука на отдельно взятом острове	552
«Средство легкое и верное»	558
«Еще вас чары острова смущают, и трудно вам в действительность поверить»	570
<i>Приложение I. Межи и горизонты познания (Фронтиспис «Instauratio magna» Ф. Бэкона)</i>	576
<i>Приложение II</i>	602
<i>Приложение III. Ф. Бэкон. Чудеса природы, особенно в их отношении к человеческой пользе</i>	606
<i>Литература</i>	608

От автора

Предлагаемая монография является результатом многолетних исследований автора, посвященных жизни и творчеству выдающегося английского философа и политического деятеля Фрэнсиса Бэкона. Основное внимание в книге уделено обстоятельствам его жизни в контексте политических и интеллектуальных реалий второй половины XVI—начала XVII столетия.

В работе использован широкий круг первоисточников, а также историко-научных и историко-философских работ, посвященных Ф. Бэкону.

Я приношу глубокую благодарность всем, кто помогал мне в этой работе, и прежде всего Наталии Павловой за большую помощь в работе с текстами, а также Илье Теодоровичу Касавину, Дмитрию Львовичу Сапрыкину, Ивану Борисовичу Микиртумову и, увы, уже ушедшим из жизни Юрию Никифоровичу Солонину и Нивес Мэтьюз (*N. Mathews*) за их ценные советы, доброжелательное внимание и неоценимую поддержку. Моя особая благодарность редактору книги К. В. Иванову.

Декабрь 2021 года

Введение. Наука как *venatio*

Многие превозносили его до небес... иные —
втапывали в грязь. Поняли его единицы.

Л. Фейхтвангер

Метафора «наука как охота (*venatio*)» в начале Нового времени использовалась в литературе нередко. К примеру, неаполитанский астролог, математик и врач Джованни Абиозо (*Giovanni Battista Abiosi*) в 1520-х годах призывал современных интеллектуалов бросить древние книги и посвятить себя «охоте за новыми тайнами природы (*venari nova secreta naturae*)»¹. В 1596 году в Венеции была основана *Accademia Cacciatore* (Академия охотников), члены которой интересовались не только охотой как таковой, но и естественно-научными вопросами. Можно привести и другие примеры. Однако наиболее детальную разработку эта метафора нашла в трудах Ф. Бэкона (*Francis Bacon*; 1561–1626).

Описывая предложенную им эксперименталистскую методологию изучения природы, которую английский мыслитель характеризовал как *experientia literata* (англ. *literate* или *learned experience*; в переводе Н. А. Федорова — «научный опыт»), он сравнил ее с «охотой Пана» («*Literata Experientia, sive Venatio Panis, modos experimentandi tractat*»²), который в интерпретации

¹ *Badaloni N. I fratelli Della Porta. P. 688.*

² «Научный опыт, или „Охота Пана“, исследует модификации экспериментирования» (*Bacon F. De Dignitate et Augmentis Scientiarum Libri IX (V, 2) // Bacon F. The Works. Vol. 2. P. 97–498; P. 372; рус. перевод Н. А. Федорова под ред. Г. Г. Майорова: Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук (V, 2) // Бэкон Ф. Сочинения. Т. 1. С. 81–524; С. 286).* О «научном опыте» в трактовке Ф. Бэкона см.: *Jardine L. Experientia Literata or Novum Organum?; Lewis R. A kind of sagacity.*

Бэкона символизировал Природу: «Древние в образе Пана со всеми подробностями нарисовали природу мира... Занятие же Пана нельзя, пожалуй, изобразить вернее и удачнее, чем сделав его богом охотников: ведь любое действие природы, любое движение, любое развитие есть не что иное, как охота. Действительно, науки и искусства охотятся за своими созданиями, сообщества людей преследуют свои цели, да и вообще все создания природы охотятся или за добычей ради пищи, или за удовольствиями ради отдыха, прилагая к этому все свое умение и ловкость»¹.

Концепция *experientia literata* была детально рассмотрена Бэконом в пятой книге трактата «*De Augmentis scientiarum*» (1623) и связывалась им с проблемой научного метода. Цель разработки метода исследования природы Бэкон формулировал следующим образом: «с помощью особой науки сделать разум адекватным материальным вещам, найти особое искусство наведения и указания (*Ars Indicii et Directionis*), которое раскрывало бы нам и делало известным остальные науки, их аксиомы и методы... Это искусство указания... делится на две части. Указание может либо вести от экспериментов к экспериментам, либо от экспериментов к аксиомам, которые в свою очередь сами указывают путь к новым экспериментам. Первую часть мы будем называть научным опытом (*experientia literata*), вторую — истолкованием природы, или Новым Органоном. Впрочем, первая из этих частей... едва ли должна считаться искусством или частью философии — скорее ее следует принять за своеобразную проницательность, и поэтому мы иногда называем ее „охотой Пана“... Однако подобно тому как каждый может продвигаться на своем пути трояким образом: или идти на ощупь в темноте, или держаться за руку другого, потому что сам плохо видит, или, наконец, идти свободно, освещая себе путь, — точно так же можно предпринимать всевозможные эксперименты: без всякой последовательности и системы — это чистейшее продвижение на ощупь; когда же при проведении эксперимента следуют какому-то определенному направлению и порядку, то это можно сравнить с тем, когда человека ведут за руку: именно это мы и понимаем под научным опытом. Подлинный же светоч, который мы упомянули третьим, может дать нам лишь истолкование природы, или Новый Органон». (Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук (V, 2) // Бэкон Ф. Сочинения. Т. 1. С. 285–286; Bacon F. The Works. Vol. 2. P. 370–371).

¹ Бэкон Ф. О мудрости древних (Перевод Н.А. Федорова под ред. Г.Г. Майорова) // Бэкон Ф. Сочинения. Т. 2. С. 231–300; С. 247, 251. («*Antiqui universam naturam sub persona Panis diligentissime descripserunt... Officium autem Panis nulla alia re tam ad vivum proponi atque explicari potuerit, quam ut Deus venatorum sit. Omnis enim naturalis actio, atque adeo motus et processus, nihil aliud quam venatio est. Nam et scientiae et artes opera sua venantur, et concilia humana fines suos, atque res naturales omnes vel alimenta sua tanquam praedam, vel voluptates suas tanquam solatium, venantur, idque modis peritis et sagacibus*» [Bacon F. De sapientia veterum // Bacon F. The Works. Vol. 12. P. 403–454; P. 441, 446]).

Согласно легенде, именно во время охоты Пан обнаружил богиню Цереру, тогда как «остальным... богам это не удалось, хотя они и старательно искали и все делали для того, чтобы найти ее». Указанный эпизод включает в себе, по мысли Бэкона, очень глубокий смысл: «не следует ждать открытия полезных и необходимых для практической жизни вещей от философов, погруженных в абстракции (которых можно сравнить со старшими богами), хотя они всеми силами стремятся к этому; таких открытий следует ждать только от Пана, т. е. от мудрого эксперимента и всеобъемлющего познания природы, и такие открытия происходят почти всегда случайно, как бы во время охоты»¹.

Экспериментирующий ученый — это прежде всего «охотник за тайнами природы»², который вместо того, чтобы «идти ощупью в темноте (*palpat ipse in tenebris*)»³, упорно и терпеливо изучает «знаки и ключи» ведущие его к познанию мира.

Метафора охоты в позднесредневековой и ренессансной литературе имела многообразные коннотации: поиск совершенной любви, моральной и религиозной истины, наконец, средств и путей спасения души. Охотник, как правило, надеялся героическими чертами, а занятие охотой рассматривалось как индикатор благородства (или по крайней мере, как аноблирующее занятие), как высоко ритуализованное и формализованное искусство, достойное дело для благородного мужчины-воина и т. д. И все эти коннотации при сравнении охоты с натурфилософским (научным) поиском переносились на последний, ибо изучение природы воспринималось как мужское

¹ Бэкон Ф. О мудрости древних // Бэкон Ф. Сочинения. Т. 2. С. 252 («...Ne rerum utilium ad vitam et cultum inventio, qualis fuit segetum, a philosophiis abstractis, tanquam diis majoribus, expectetur, licet totis viribus in illud ipsum incumbant; sed tantummodo a Pane, id est, experientia sagaci et rerum mundi notitia universali, quae etiam casu quodam ac veluti inter venandum in hujusmodi inventa incidere solet» [Bacon F. De Sapientia Veterum // Bacon F. The Works. Vol. 12. P. 448]).

² «*Venator naturae*», как называет его П. Гассенди (1592–1655) (Gassendi P. Syntagma philosophicum. Bd. 1. P. 126).

³ Bacon F. De Dignitate et Augmentis Scientiarum // Bacon F. The Works. Vol. 2. P. 371; в англ. переводе: «*groping in the dark*» (Bacon F. Of the Dignity and Advancement of Learning. Book V // Bacon F. The Works. Vol. 9. P. 60–106; P. 72).

дело, требовавшее упорства, выдержки, силы (причем не только интеллектуальной, но подчас и физической), зоркости, проницательности, наблюдательности, умения по видимым «следам и знакам» получать знание о «добыче» (в случае научной «охоты» — по видимым явлениям судить о тайнах природы)¹.

Появление и распространение упомянутой метафоры на заре Нового времени свидетельствует о глубоком изменении в понимании целей и методов науки в этот период. Если в эпоху позднего Средневековья натурфилософия рассматривалась как своего рода герменевтика («философия природы без природы», как выразился Дж. Мердок²), то в XVI–XVII столетиях она стала областью поиска новых и ранее неизвестных фактов или причин, определяющих видимость явлений. Схоластическая натурфилософия не изучала глубоко данные опыта, чтобы найти истину, но вместо этого привлекала тщательно отобранные факты, чтобы оправдать свои выводы, или, как афористично выразился Бэкон, схоласты занимались натурфилософией «не чтобы докопаться до истины, но чтобы поддержать рассуждение (*non ut veritas eruatur, sed ut disputatio alatur*)»³.

Иными словами, средневековая натурфилософия опиралась на понимание природы как геометризованного космоса, упорядоченного Творения Бога, созданного по числу, весу и мере (*numero, pondere, et mensura*), в силу чего сотворенный мир постижим разумом, тогда как науке раннего Нового времени были ближе образы природы как темного леса⁴, неизведанной

¹ Замечу, что уже в эпоху Средневековья анализ следов животных оформился в самостоятельную дисциплину (*Cummins J. G. The Hound and the Hawk. P. 31–34*).

² *Murdoch J. E. The Analytic Character of Late Medieval Learning: Natural Philosophy without Nature.*

³ *Bacon F. Redargutio Philosophiarum // Bacon F. The Works. Vol. 7. P. 55–95; P. 84.* См. также: *Bacon F. The Refutation of Philosophies [Redargutio philosophiarum] (1608) // Farrington B. The Philosophy of Francis Bacon. P. 130–138; P. 130.*

⁴ «Лесная чаща в рубежное время (между Средневековьем и Новым временем. — *И. Д.*) нередко обозначает... среду естественно-научного поиска, процесс погружения в тайны материи. „Леса“ или даже „Лес лесов“ (Ф. Бэкон) — стандартные заголовки тогдашних научных трактатов» (*Соколов М. Н. Время и место. С. 65–66*). М. Н. Соколов имеет в виду трактат: *Bacon F. Sylva sylvarum, or, A Naturall History in Ten Centuries.*

территории или лабиринта, не затеряться в котором помогает ариаднина нить исследовательского метода¹.

Наука, репрезентируемая метафорой *venatio*, предполагала выработку новых, нетрадиционных исследовательских практик, в том числе и умение организовать коллективную исследовательскую деятельность, «охоту», как сложное, иерархизированное по функциональным обязанностям и решаемым задачам и синхронизированное совместное предприятие. Труды Ф. Бэкона сыграли важную роль в формировании нового образа науки и идеала научного исследования. Далее я остановлюсь на причинах и обстоятельствах, побудивших его обратиться к той области, которую сегодня относят к философии и методологии науки. Вопрос этот важен хотя бы потому, что эти причины и обстоятельства в значительной мере определили содержание предложенных им реформ, как методологических, так и институциональных. Однако перед тем, как приступить к указанным вопросам, следует обратить внимание на некоторые обстоятельства, касающиеся самого нашего героя и времени, в котором он жил.

¹ Замечу, что образ мира как лабиринта также активно использовался Бэконом. Так, например, в предисловии к «Великому восстановлению наук» читаем: «Здание этого нашего Мира и его строй представляют собой некий лабиринт для созерцающего его человеческого разума (*Aedificium autem hujus universi structura sua, intellectui humano contemplanti, instar labyrinthi est*), который встречает здесь повсюду столько запутанных дорог, столь обманчивые подобия вещей и знаков, столь извилистые и сложные петли и узлы природы. Совершать же путь надо при неверном свете чувств, то блистающем, то прячущемся, пробираясь сквозь лес опыта и единичных вещей. К тому же (как мы сказали) вожатые, встречающиеся на этом пути, сами сбиваются с дороги и увеличивают число блужданий и блуждающих. При столь тяжелых обстоятельствах приходится оставить всякую надежду на суждения людей, почерпнутые из их собственных сил, и также на случайную удачу. Ибо, каково бы ни было превосходство сил ума и как бы часто ни повторялся жребий опыта, они не в состоянии победить все это. Надо направить наши шаги путеводной нитью и по определенному правилу обогреть всю дорогу, начиная уже от первых восприятий чувств» (Бэкон Ф. Великое восстановление наук. Предисловие // Бэкон Ф. Сочинения. Т. 1. С. 68–81; С. 64–65 [*Bacon F. Instauratio Magna Scientiarum. Praefatio // Bacon F. The Works. Vol. 1. P. 199–211; P. 205*]).